

(без различия их по полу). В остальном терминология родства в этих районах совпадает. К сожалению, Т. Фрэзер не показывает, какие реальные отношения скрываются за терминами, которыми говорящий называет своих родных братьев и сестер, из которых для старших имеется два термина: «абанг» — брат и «какак» — сестра, а для младших — общий — «адек». В малайском и индонезийском языках эти термины имеют и индивидуальное, и групповое значение. «Абанг» значит не только старший брат, но также любовник, муж, старший мужчина. «Какак» — не только старшая сестра, но и собирательно — старший брат и сестра вообще. «Адек» называют не только младших по возрасту брата и сестру, но и жену.

Автор отмечает, что несмотря на ослабление значения родственных уз за пределами семьи, жители Русембилана, по традиции, при встрече с незнакомым малайцем стараются установить, не находятся ли они с ним в какой-либо степени родства.

С политическим положением малайского национального меньшинства на примере изучаемого поселка автор знакомит читателя в главе «Русембилан как часть тайской нации». Само название этой главы представляется нам неудачным, поскольку сохранение малайцами Таиланда своего языка, религии, обычаев и национального самосознания свидетельствует, на наш взгляд, о том, что они не могут рассматриваться как часть тайской нации. Приводимые Т. Фрэзером факты убедительно показывают, что несмотря на распространение на районы, населенные малайцами, той же административной системы, что и во всей стране, укрепление их экономических связей с другими районами Таиланда и вопреки проводимой правительством политике ассимиляции этой народности, малайцы в Таиланде продолжают оставаться этнической группой, ощущающей свою связь с народом, живущим по другую сторону границы, отделяющей Таиланд от Малайской Федерации.

Живо и увлекательно описаны Т. Фрэзером обычаи и верования малайцев Русембилана (главы IX—XI).

Появление такой книги, как «Русембилан: малайская рыбацья деревня в Южном Таиланде», столь насыщенной добротным фактическим материалом, в то время когда этнографическое изучение Таиланда переживает еще период становления, не может не привлечь внимания всех, кто интересуется этнографией этой страны.

Е. Иванова

Ю. В. Ганковский. *Народы Пакистана (основные этапы этнической истории)*. Отв. редактор А. М. Дьяков. Ин-т народов Азии АН СССР. Изд-во «Наука», М., 1964. 343 стр.

Одной из актуальных задач советской исторической и этнографической науки является изучение процессов консолидации народов Востока в нации. После второй мировой войны в связи с общим распадом мировой империалистической колониальной системы и образованием многочисленных независимых государств в Азии и Африке, подымается могучая волна национального возрождения. Несомненно, в каждой стране этот процесс проходит в соответствии с конкретными местными условиями, но это никоим образом не исключает его общих закономерностей.

Для того, чтобы глубже понять те этнические процессы, которые протекают в странах Южной Азии в настоящее время, необходимо знать этническую историю изучаемых народов, роль тех внешних факторов, которые оказали влияние на судьбы этих народов.

Монография Ю. В. Ганковского «Народы Пакистана» посвящена этнической истории пяти основных крупнейших народов этой страны: бенгальцев, панджабцев, синдхов, пуштунов и белуджей. Рецензируемая книга является первой крупной работой в этой области и, несомненно, представляет значительный интерес для историков и этнографов-востоковедов.

Книга состоит из четырех глав: I — древнейшее население северной части индийского субконтинента (стр. 18—47); II — этнические процессы в северо-западных и северо-восточных областях индийского субконтинента в период расцвета и упадка рабовладельческой формации (стр. 48—100); III — этнические процессы в эпоху феодализма и формирование феодальных народностей (стр. 101—167); IV — формирование буржуазных наций (стр. 168—235). Книге предпослано предисловие автора (стр. 3—17), некоторые выводы даны в заключении (стр. 236—244). Дополнена монография подробной библиографией, а также указателями имен, географических названий и этнонимов (стр. 245—279).

Как видно из перечня глав, работа Ю. В. Ганковского охватывает обширный период, начиная с самых древних времен (с палеолита) и кончая 1947 г., т. е. годом возникновения двух независимых государств — Индии и Пакистана.

Исследование этнической истории народов Пакистана за такой огромный исторический период — очень трудная задача. Она требует комплексного решения целого

ряда проблем, объединенных усилий историков, этнографов, антропологов, археологов, лингвистов и экономистов.

Сам автор, историк по специальности, отмечая всю сложность поставленной цели, видит свою задачу «в том, чтобы, изучив имеющиеся исторические источники и дополнив их данными, полученными специалистами в других областях знания, охарактеризовать основные этапы этнической истории крупнейших по численности народов Пакистана» (стр. 14).

Особенно сложны по содержанию две первые главы книги. Здесь автору необходимо было определить территорию, на которой сложилось этническое ядро каждого из описанных народов; выяснить их антропологический состав и найти этнические компоненты, которые приняли участие в их формировании; следовало также изучить исторические корни культурного облика каждого из этих народов, т. е. проследить внутреннюю эволюцию, преемственность, смену культур на занимаемой ими территории.

Для написания этих глав Ю. В. Ганковский широко привлек доступный ему литературный материал — работы как отечественных, так и зарубежных историков, этнографов, антропологов, археологов и лингвистов и, кроме того, использовал такие источники, как «Авесту», «Веды», «Махабхарату», «Артхашастру», «Законы Ману» и многие другие.

Путем тщательного сопоставления всех данных автор пришел к правильному, на наш взгляд, выводу, что «к середине II тысячелетия до н. э. в северной части индийского субконтинента в результате сложных этнографических процессов образовались два древнейших этногенетических комплекса: протодравидийский на западе и протомунда — на востоке. Граница между ними проходила, по-видимому, по меридиану Дели, что не исключает, конечно, взаимного проникновения отдельных предков мунда на запад и протодравидов на восток от этой линии» (стр. 35).

Таким образом, протодравиды и протомунда образуют древнейший этнический слой, лежащий в основе индоарийской этнической области.

Середина второго тысячелетия до н. э. явилась переломной вехой в этнической истории Северной Индии: эту область захлестнули мощные волны пришельцев — индоарийцев (или, как их называет автор, «протоиндоиранских племен»). Между местным доиндоевропейским населением и племенами ариев возникали многообразные социальные и культурно-исторические контакты. Во второй половине второго тысячелетия до н. э. в центральных районах северной части индийского субконтинента началось формирование новой — индоарийской — этнической общности, завершившееся к началу первого тысячелетия до н. э.

Автор доказывает с помощью фактов, что в сфере этнолингвистической сложение индоарийской этнической общности проявилось в формировании ряда родственных индоарийских диалектов, вытеснивших языки местного населения. Совокупность этих диалектов явилась языком-основой для всех ныне существующих индоарийских языков. С индоарийской этнической общностью первого тысячелетия до н. э. генетически связаны все современные индоарийские народности и нации.

Во второй главе Ю. В. Ганковский подробно рассматривает вопросы, связанные с развитием производительных сил, возникновением классовых рабовладельческих государств и дальнейшей арианизацией населения северных областей. Он справедливо считает, что к середине первого тысячелетия до н. э. процесс арианизации в основном завершился и один из индоарийских диалектов Северо-Западной Индии (санскрит) закрепился в качестве наддиалектного письменного языка. Автор совершенно правильно определяет место древнего доиндоевропейского населения в этнической истории Индии: «Доиндоевропейское земледельческое население сыграло важную роль в формировании древних индоарийских народностей и их культуры не только благодаря своей численности, но и вследствие того, что оно определило основной элемент хозяйственной деятельности, производственный базис сложившихся народностей, а именно: оседлое земледелие» (стр. 53).

Территория современного Западного Пакистана лежала на пути между Западной Азией и полуостровом Индостан, поэтому она стала ареной, где сталкивались интересы многих народов. Северо-Западная Индия подвергалась частым вторжениям соседей. Все это, конечно, не могло не оказать влияния на этнические процессы и культурно-хозяйственную жизнь данного района.

Ю. В. Ганковский во второй главе подробно останавливается на этих событиях и, используя многочисленные источники, показывает, что несмотря на включение прииндуских районов и западного Пенджаба в различные государственные образования, в целом индоарийский пласт претерпел незначительные изменения. Но это, конечно, не исключает того воздействия, которое оказали на этногенез народов Западного Пакистана их соседи.

В конце VI в. до н. э. часть современного Западного Пакистана была включена в состав древнеперсидской державы Ахеменидов. Ахеменидские завоевания не сопровождались колонизацией подчиненных персами территорий нынешнего Западного Пакистана и мало отразились на протекавших этногенетических процессах, хотя отдельные эле-

менты культуры, которую автор условно именуется «ахеменидской» (стр. 67), и закрепились у жителей северо-западной части индийского субконтинента.

Более глубокие последствия, чем господство Ахеменидов, для народов Западного Пакистана имели греко-македонские завоевания, которые начались в 327 г. до н. э. Ю. В. Ганковский на стр. 69—79 подробно разбирает, в чем сказывается это влияние как в области культуры, так и в области хозяйственной деятельности. Сами же «немногочисленные греко-македонские поселенцы весьма быстро растворились в коренном населении: этому, безусловно, способствовала система смешанных браков, насаждать которую начал еще Александр» (стр. 78).

В середине II — начале I в. до н. э. в Северо-Западную Индию вторглись новые завоеватели — саки, которые распространили свою власть на значительную часть Панджаба. В I в. н. э. один из тохарских князей Канишка, принадлежащий к роду кушанов, подчинил всю северо-западную часть Индии (Кашмир, Панджаб, Синд), но в III в. н. э. кушанская империя распалась. В V—VI вв. территория Северо-Западной Индии была включена в состав державы эфталитов, или хионитов. На стр. 79—96 Ю. В. Ганковский дает анализ тех изменений в этническом облике народов не только Северо-Западной, но и Западной Индии, которые произошли в результате вторжения племен сако-тохарской и эфталитской конфедераций.

Автор справедливо отмечает сложный этнический состав самих этих племен, которые в ходе длительных миграций впитали в себя самые различные этнические элементы. В Индии пришельцы довольно быстро восприняли социальную структуру индийского общества. Родовая знать сако-тохарских и хионитско-эфталитских племен стала правящей прослойкой господствующего класса во многих североиндийских государствах. Рядовые общинники поселились в городах или на землях, отнятых у коренных жителей, постепенно смешиваясь с местным земледельческим или ремесленным трудовым населением. Некоторые исследователи связывают с этим процессом образование каст джатов, ахиров и ряда других.

Глава третья посвящена этническим процессам в эпоху феодализма. В IV—VI вв. в Индии на смену рабовладельческому строю приходит феодальный. Одновременно с серьезными изменениями в характере способа производства происходят важные сдвиги и в общественных отношениях. С укреплением и развитием феодального общества окончательно оформляется та сословно-кастовая система, которая сохранилась в значительной степени до нашего времени. На смену буддизму, как официальной государственной религии, пришел реформированный, приспособленный к новым условиям брахманизм, ставший известным под названием индуизма.

В сравнительно спокойной политической обстановке (вплоть до первых мусульманских вторжений) окончательно определились этнолингвистические области.

Автор справедливо утверждает, что «к VIII—IX вв. складываются крупнейшие из тех феодальных народностей, с которыми мы встречаемся в последующие периоды истории Индии» (стр. 203). Разумеется, жизнь этих народностей не оставалась неизменной: методы ведения хозяйства, культурный облик, религиозные представления, язык, даже антропологические черты подвергались непрерывной трансформации. К этому можно добавить еще ассимиляцию менее значительных этнических групп, что также вносило новые черточки в этнический облик этих народов. Таким образом, сам материал автора опровергает его несколько неожиданный вывод о «своеобразном «скачке» в этнической истории Индии» (стр. 103).

В третьей главе Ю. В. Ганковский описал процесс становления отдельных народностей Пакистана, рост их национального самосознания, развитие литератур на родных языках. Первыми на путь национального развития в Западном Пакистане вступили панджабцы и синдхи, а в северо-восточной Индии — бенгальцы. Несколько позднее этот процесс начался у пуштунов и белуджей.

На формирование панджабской народности в течение X—XVIII вв. значительное влияние оказывали тюркские, афганские и персидско-таджикские элементы. Пути их проникновения и их роль в этногенезе панджабцев в книге освещена достаточно полно. Огромную роль в истории Панджаба, конечно, сыграло антифеодальное сикхское движение, которое завершилось в конце XVIII в. возникновением на территории Панджаба централизованного позднефеодального государства Ранджит Сингха (1799—1839). По нашему мнению, автору следовало бы прямо сказать, что именно в этот период панджабцы при благоприятных условиях могли бы сформироваться в нацию. Аннексия Панджаба англичанами помешала естественному ходу истории.

Четвертая глава посвящена формированию буржуазных наций в Пакистане. Вполне естественно, что повествование не могло не выйти за пределы сегодняшнего Пакистана. Каждый из двух основных народов Пакистана — бенгальцы и панджабцы — оказался искусственно поделенным между Индией и Пакистаном. До образования двух независимых государств в 1947 г. они входили в единые административные провинции. Серьезный упрек вызывает то обстоятельство, что в предыдущих главах автор сосредоточил свое внимание на истории народов Западного Пакистана, а к исследованию крупнейшей нации Восточного Пакистана — бенгальцев подошел в полной мере лишь в четвертой главе, охватывающей новое время.

Конечно, трудно предугадать, каким путем пойдет развитие когда-то единых, а ныне разделенных народов. Английские колонизаторы проделали здесь тот же трюк, что в свое время с пуштунами, разделив их линией Дюранда. Государственная граница была одним из решающих факторов в формировании этнического самосознания, и теперь, по прошествии семи десятилетий, большая часть пуштунов Пакистана считает себя самостоятельной нацией. А ведь афганцев и пуштунов не разделяет религиозная преграда, как панджабцев.

Развитие капиталистического уклада в Индии происходило в условиях колониальной зависимости, что наложило особую печать на все стороны этого процесса, придало ему уродливый, однобокий характер. Иноземные порабитители искусственно консервировали феодальные отношения в социально-экономическом строе Индии. Но вопреки усилиям англичан, в XIX в. капиталистические отношения в Индии из года в год развивались, возникала своя буржуазно-помещичья интеллигенция, которая являлась носителем уже буржуазной идеологии. Возникали первые политические организации.

Ю. В. Ганковский отмечает: «Становление капиталистических отношений оказало глубокое влияние на проходившие в Индии этнические процессы. С середины XIX в. в северо-западной части субконтинента, а на северо-востоке с начала XIX в., начинается формирование нового исторического типа общности людей — буржуазных наций. Колониальное доложение страны и неравномерность социально-экономического развития отдельных районов Индии придали этому процессу противоречивый и крайне сложный характер» (стр. 173). И это действительно так. Процесс складывания буржуазных наций действительно еще продолжается. Поэтому едва ли можно согласиться с автором, который считает белуджей уже сложившейся буржуазной нацией (стр. 238).

Англичане, чувствуя неизбежный крах своего колониального господства, еще в XIX в. начали проводить политику противопоставления индийцев-индуистов индийцам-мусульманам. Автор приводит достаточное количество примеров, подтверждающих искусственность и нарочитость такого противопоставления. В конце концов англичанам удалось осуществить раздел Индии по религиозно-общинному принципу, но это была пиррова победа. Народы Индии и Пакистана все больше отклоняются от навязываемого им курса проанглийской, проимпериалистической политики.

В заключение хочется еще раз приветствовать появление книги Ю. В. Ганковского — первой сводной работы по этнической истории народов Пакистана.

В. Кочнев

НАРОДЫ АФРИКИ

Р. Н. Исмагилова. *Народы Нигерии*. М., 1963, 275 стр.

Одной из важнейших задач советской африканистики является изучение этнического состава населения государств, недавно получивших независимость. В этих странах идет активный процесс сплочения близкородственных народов и племен, однако на пути образования крупных наций еще стоят трудности по преодолению последствий колониального режима в управлении страной, в хозяйстве, быту и сознании людей, предстоит борьба с пережитками родоплеменной организации и феодальных отношений и возросшими на их почве сепаратистскими устремлениями. Многие из молодых африканских независимых государств сложны по своему этническому составу и перед ними стоят задачи определения своей национальной политики, установления порядка, обеспечивающего равноправное развитие и сплочение всех населяющих их народов. Одной из самых крупных по численности населения африканских стран, выделяющейся в то же время очень сложным этническим составом населения, является Нигерия.

Работа Р. Н. Исмагиловой «Народы Нигерии» в целом представляет собой этнографическое исследование. Автор избрал этнический аспект проблемы национальной консолидации народов Нигерии, положив в основу данные переписи населения Нигерии 1952—1953 гг.; были привлечены также и многочисленные этнографические публикации по отдельным народам. Нужно сказать, что перед исследователем этнического состава населения Нигерии стояли большие трудности, так как большинство работ зарубежных этнографов и лингвистов, созданных в период колониального угнетения страны, отражают в значительной мере традиционную колониальную политику разделения и дробления народов и племен. Не избежали этого и такие серьезные этнографы, как П. Талбот и Ч. К. Мик — авторы больших монографий, посвященных Нигерии. За последние годы появилось много других книг по крупнейшим народам Нигерии — йоруба, ибо, нупе и др. Однако в этих работах сильно преувеличена существующая национальная раздробленность; характеристики этнического состава населения по существу отражают пройденный этап исторического развития. По-прежнему такие развитые в экономическом и культурном отношении народы, как йоруба, ибо, хауса, насчитывающие по нескольку миллионов человек каждый, называют племенами.